

ВЕСА ОЙТТИНЕН

Диалектические вариации Ильенкова, или Почему не Кант вместо Гегеля?

В своей остроумной — но в то же время несколько причудливой — книге «Кантианские вариации», Мераб Мамардашвили полемические отрицал, что Канта следует считать «подготовительной ступенью» для более высокой формы философии. Кант не «ступень» к чему-либо — «нельзя сказать, что он является Авраамом, породившим Исаака». Мамардашвили атакует этим язвительным замечанием общее место советской историографии философии, которой классическая немецкая философия виделась как крещендо четырех классических философов: Кант — Фихте — Шеллинг — Гегель. В этой череде каждый следующий мыслитель «снял» односторонность своих предшественников, пока наконец Гегель, верховный диалектик, не подвел итог этой линии развития.

Мамардашвили, конечно, совершенно прав: утверждение о такой последовательности сомнительно уже по той простой причине, что Кант вовсе не принадлежит к «немецкому идеализму», но представляет философскую позицию *sui generis*¹. Однако почему же идея линейки четырех немецких философов столь прочно укоренилась в советской мысли? Для меня, по крайней мере, это — загадка, ибо данное утверждение само по себе никоим образом не является марксистским². Напротив,

¹ С другой стороны, Мамардашвили явно преувеличивает, утверждая, что «после Канта начинается эпоха для меня отвратительная, эпоха собственно немецкой философии. Кант, конечно, не немецкий философ...» (*Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. 2-е изд. М.: Аграф, 2002. С. 11*).

² Почему оно распространилось столь широко, — тема, заслуживающая специального исследования. Марксистская теория развития производительных сил на самом деле не предполагает механизмов, которые диктовали бы строго определенное

мы часто встречаемся с ним в старой «буржуазной» историографии философии, к примеру, уже в заглавии некогда весьма влиятельной книги иррационализирующего неогегельянца Рихарда Кронера «От Канта к Гегелю»³.

Хотя Эвальд Ильенков во многих отношениях мыслил новаторски, в «Диалектической логике» (1974) он, тем не менее, последовал старому клише советской историографии философии. Первая часть книги представляет собой исторический обзор развития диалектической мысли, состоящий из шести очерков. Первый из них является общим введением; второй — «Мышление как атрибут субстанции» — о Спинозе, любимом философе Ильенкова наряду с Гегелем; третий трактует о Канте и его попытках развить новую, трансцендентальную логику, а затем следуют в ожидаемой очередности Фихте, Шеллинг и Гегель, после чего Ильенков излагает Фейербаха и Маркса, перевернувших идеалиста Гегеля с головы на ноги. Вся история развития диалектических идей продвигается, таким образом, в гегельянской манере: каждая позиция обнаруживает свою односторонность, снимается, и так далее, пока мы не достигаем всеобъемлющего *Vermittlung von Substanz und Subjekt*, опосредствования субстанции и субъекта. Интересно отметить, что хотя этот историко-философский процесс, согласно Ильенкову, продолжился после Гегеля у Фейербаха, Маркса (и Ленина), характер процесса остается, однако, чисто гегельянским.

Искаженный Кант в советской философской традиции

Если мы последуем за Мамардашвили и выразим сомнение в жизнеспособности «схемы четырех», то вопрос о предшественниках марксистской диалектики будет поставлен совершенно в иной плоскости. Мы можем спросить, а надобен ли вообще Гегель? Одна возможность в таком случае — установить связь со Спинозой, как главным вдохновителем материалистической диалектики. Это альтернатива, неоднократно предлагавшаяся в истории марксизма — еще такими мыслителями левого крыла Второго Интернационала, как Франц Меринг и особенно Георгий Плеханов, для которого Спиноза был почти что «Марксом без бороды». Позднее Луи Альтюссер в 1970-х, стремясь подчеркнуть научный характер марксизма вопреки буму «гуманистических» толкований, обра-

русло развития философской мысли. По какой-то причине, однако, многие марксисты в первой половине XX столетия имели пристрастие к конструированию подобных очередностей — достаточно упомянуть здесь Георга Лукача, который в своем «Разрушении разума» (*Zerstörung der Vernunft*, 1954) прочертил линию развития немецкой мысли «от Шеллинга до Гитлера» (!). Вероятнее всего, подобные взгляды были вызваны телеологическими ожиданиями грядущего социалистического будущего человечества, спроецированными затем также и на материал истории философии.

³ *Kroner R. Von Kant bis Hegel*, 2 Bde. Tübingen: Mohr Siebeck, 1921–1924.

щался к Спинозе, дабы при помощи его детерминизма изгнать из марксизма ненаучную гегельянскую телеологию. Фихтеанские и шеллингианские интерпретации марксизма более редки, хотя Роже Гароди одно время носился с идеей омоложения марксизма дозой фихтеанского субъективизма.

Ну а Кант? Неокантианские ревизионисты в немецкой социал-демократии до первой мировой войны, можно сказать, испортили репутацию Канта в глазах левого крыла марксистов. Никто иной, как достопамятный Эдуард Бернштейн провозглашал необходимость повернуть рабочее движение к философии Канта и рассматривал будущее социалистическое общество главным образом в качестве этического идеала. «Этические социалисты» были осмеяны левыми, как Плехановым, так и Лениным, и — следует согласиться — не без оснований. Левые критики, однако, не сознавали, что неокантианцы толковали Канта в манере, искажавшей его подлинные воззрения: ликвидировав неудобную «вещь в себе», они фактически сделали Канта субъективным идеалистом, а в политике обошли молчанием Кантов энтузиазм в отношении Французской революции, заходивший на практике столь далеко, что Кант одобрил существенную часть программы якобинцев в 1793–1794.

Поистине странно обнаружить, что большевики занимали по отношению к Канту столь же враждебную позицию, сколь и русские религиозные идеалисты, изображавшие кенигсбергского мыслителя почти что дьяволом, как опишет впоследствии Андрей Ахутин в своем мастерском и весьма занимательном эссе «София и черт». Плеханов с 1890-х написал несколько статей, атакующих кантианство, и Ленин последовал по его стопам. Даже в своих «Философских тетрадах» — вероятно, наиболее интересной из ленинских философских работ и безусловно заслуживающей прочтения и сегодня, — он несколько раз подчеркивает, что одним из мотивов его исследования Гегеля был поиск аргументов против Канта и кантовского «агностицизма». Так что, кажется, даже для Ленина Кант был прежде всего философским отцом ревизионизма, и такое отношение передалось по наследству нарождавшейся в 20-х годах советской философии — *диамату*.

Здесь не место, конечно, для детальной истории рецепции Канта в советском марксизме, отмечу лишь основные черты рисуемого в нем образа Канта — при всем безусловном признании огромной значимости его фигуры на всемирно-исторической шкале, — как агностика, согласно которому мы можем познать не вещи в себе, но лишь явления, и субъективного идеалиста в теории познания. Типичной в этом отношении мне кажется статья в «Философской энциклопедии», написанная Валентином Асмусом (или, по крайней мере, им подписанная), которая резюмирует настрой советских философов против Канта, будучи свидетельством тем более веским, что Асмус был ни в коей мере не идеологом, но серьезным профессионалом, — ведь он один из лучших со-

ветских экспертов в области истории философии. Тем не менее, представив основные черты философии Канта, Асмус продолжает:

«Все эти положительные черты и тенденции не снимают и не ослабляют огромных принципиальных пророков и заблуждений Канта. Таковы: исполненное неверия в познавательную мощь разума противопоставление “вещей в себе” — явлениям; догма о непреходимой черте, якобы отделяющей опытное познание явлений от непостижимых “вещей в себе”; ограничение знания религиозной верой; субъективно-идеалистический взгляд на познание как на процесс наложения априорных форм чувственности и рассудка на материал, доставляемый познанию опытом; субъективно-идеалистическая трактовка пространства и времени, математики и теоретического естествознания»⁴.

Одну из наиболее тяжких ошибок Кант совершил, согласно Асмусу, в области диалектики: «Двусмысленность диалектики, которая превращается у Канта из учения о реальных противоположностях и о движении познания через противоречия в учение о видимости диалектических противоречий и о способе их снятия посредством агностической критики познания»⁵.

Этот «каталог грехов» рисует портрет Канта, близкий скорее к уже отмеченным неокантианским интерпретациям, нежели к Канту реальному. Например, обвинения в «субъективном идеализме», мягко говоря, не слишком точны в отношении мыслителя, так стремившегося дистанцироваться от берклианства и написавшего ко второму изданию «Критики чистого разума» специальную главу под заглавием «Widerlegung des Idealismus» (Опровержение идеализма). Правда, Кант говорил, что мы не можем иметь какое-либо знание о «вещах в себе» — но это не делает его агностиком. Если «вещь в себе» определяется как нечто вне познавательного субъект-объектного отношения (у Канта так), то утверждение, что не может быть никакого знания о такой вещи, представляет собой трюизм. Более того, хотя мы не можем *познать* вещи в себе, мы вполне можем *мыслить* их. В общем, я думаю, что немецкий философ Ханс-Йорг Зандкюлер (Hans-Jörg Sandkühler), еще в 1980-е близкий к марксизму, был прав, характеризуя Кантову теорию познания как «когнитивный материализм» (Erkenntnismaterialismus), ибо чувственный опыт есть, согласно Канту, предпосылка всякого знания.

Кант и Маркс

Не вдаваясь в детали дискуссии о том, как следует правильно интерпретировать Канта, я попытаюсь сосредоточить внимание на его диалектике, на том, в какой мере она может дать плодотворные импульсы

⁴ Кант / Философская энциклопедия, 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 425.

⁵ Там же.

попыткам развить материалистическую теорию диалектики — что было целью не только Эвальда Ильенкова, но также и многих других советских философов.

Имеется совсем немного исследований отношений между Марксом и Кантом, тогда как целые библиотеки написаны о Марксе и Гегеле. Большей частью это бесспорно благодаря «левацкому настрою» против Канта, который является не только типично советским феноменом. Некоторые многообещающие перспективы, однако, можно разглядеть в анализе чешского философа-марксиста Индржиха Зелены, который еще в начале 1960-х написал книгу о методе Марксова «Капитала» и таким образом представляет собой хорошую параллель «феномену Ильенкова» примерно того же времени в СССР. Но если Ильенков в книге 1960 года «Диалектика абстрактного и конкретного» обсуждал значимость Канта для теории диалектики лишь мимоходом, то у Зелены имелась целая глава «Кант и Маркс как критики разума»⁶. Там Зелены высказывает некоторые идеи, на мой взгляд, не оцененные в должной мере в последующих дискуссиях и до сего дня.

Согласно Зелены, существует, конечно, большая разница между Кантом и Марксом. В конечном счете Маркс отвергает Кантов трансцендентализм и рассматривает человеческое мышление «как специфическую форму деятельности реальных людей, разобщенных разделением труда... Мышление, особенно мышление принявшее научные формы, есть момент практического общественно-индивидуального жизненного процесса людей»⁷. Кант никогда не понимал роли практики так, как ее понимал Маркс, и в этом отношении не только позиция Маркса иная, но и сам вопрос ставится иначе, чем у Канта.

Так или иначе, Зелены утверждает, что по меньшей мере в трех пунктах позиция Маркса ближе к Канту, чем к Гегелю. а) Маркс не разделяет «абсолютную» точку зрения Гегеля на возможности человеческого знания, но «возвращается, на новом уровне, назад к Канту в том смысле, что он видит альфу и омегу всей теории в конечном человеке, действующем во всегда специфических и исторически меняющихся общественно-природных отношениях»⁸; б) Маркс рассматривает роль математики в науке более позитивно, чем Гегель, как раз тут сближаясь со взглядами Канта на первостепенную важность ее для естествознания; в) Маркс в принципе допускает, что существуют пре-

⁶ *Zelený J. Kant und Marx als Vernunftkritiker / Die Wissenschaftslogik bei Marx und «Das Kapital».* Frankfurt — Wien: Europäische Verlagsanstalt — Europa Verlag, 1969. S. 299–310 (пер. чешского изд.: *Zelený J. O logické struktuře Marxova Kapitalu.* Praha: NČSAV, 1962).

⁷ *Ibid.* S. 301.

⁸ *Ibid.* S. 310: «Marx kehrt auf einer neuen Ebene in diesem Sinne zu Kant zurück, da er in den endlichen Menschen, wie sie in den jeweils bestimmten und historisch wandelbaren gesellschaftlich-natürlichen Verhältnissen tätig sind, das Alpha und Omega aller Theorie sieht».

дела для человеческого знания, отличаясь в этом от Гегеля, полагавшего возможным знание «Абсолюта». Однако — и это важно — Марксово утверждение границ познания, хотя и схожее с кантианской позицией, не означает простого возврата к понятию вещей в себе. Учение Канта о вещах в себе было в известном смысле неисторично. Маркс, напротив, настаивает на историчности практики, в процессе которой Человек постепенно расширяет сферу своего знания — иными словами, по Марксу, существуют границы знания, но они исторически меняются и изменчивы⁹.

Ильенков не анализирует отношение Кант — Маркс в своей книге «Диалектика абстрактного и конкретного» (1960) так глубоко, как Зелены, и в более поздней «Диалектической логике» не обсуждает возможность «возврата к Канту» на более высоком уровне. Даже во второй части этой работы, где он анализирует перспективы материалистической формы диалектической мысли, встречаются лишь редкие упоминания о Канте. Несомненно, Ильенков здесь отдает дань общему антикантианству советской философской культуры, которое, как я уже констатировал, по какой-то удивительной причине воспроизводит «стадиальную» схему консервативной историографии философии (Рихард Кронер), утверждающей, что последняя ступень, гегелевская философия, превзошла и разрешила большинство проблем, поставленных Кантом.

Это имело тяжкие последствия для попыток найти адекватный отправной пункт для материалистической диалектики. В «Диалектической логике» Ильенков одобрительно цитирует ленинскую формулировку «логической программы» из Философских тетрадей, в соответствии с которой логика «оказывается именно теорией познания также и вещей, а не только теорией самопознания духа»¹⁰. Ильенков цитирует эту ленинскую формулу «рационального зерна» гегелевского понятия предмета логики, а затем прибавляет длинную цитату из самого Гегеля, из начала «Науки логики», где сказано:

«Непременная основа, понятие, всеобщее, которое и есть сама мысль... — это всеобщее нельзя рассматривать *лишь* как безразличную форму *при* некотором содержании. Но эти мысли обо всех природных и духовных вещах, само субстанциальное содержание, представляют собой еще такое содержание, которое заключает в себе многообразные определенности...; более глубокой основой служит душа, взятая сама по себе, чистое понятие — сердцевина предметов, их простой жизненный пульс, равно как и жизненный пульс самого субъективного мышления о них»¹¹.

Примечательным в этой цитате я нахожу то, что Ильенков не упоминает ни слова о том, что Гегель здесь открыто полемизирует с Кан-

⁹ Ibid. S. 310.

¹⁰ Ильенков Э. В. Диалектическая логика, 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. С. 200.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики, 3 т. М.: Мысль, 1970–1972. Т. 1. С. 88.

том. Именно Кант, согласно Гегелю, рассматривал мышление, момент субъективности, как лишь *форму*, к которой *содержание* должно быть добавлено извне, из объекта. И тот способ, которым Гегель пытается преодолеть этот кантианский дуализм, есть, как хорошо известно, полагание как (конечного) субъекта, так и (конечного) объекта в качестве моментов высшего единства, Духа (Geist). Иными словами, «содержательная логика», вводимая Гегелем взамен «простой» формальной кантианской логики, получает свое содержание из Духа. Поступая так, Гегель, однако, разрушает реалистические интенции Канта — его Erkenntnismaterialismus — и, в конечном счете, отрицает независимость объекта познания. На самом деле странно, что Ленин, который всего несколько лет назад, в «Материализме и эмпириокритицизме» страстно защищал материалистическую теорию познания и говорил о человеческом познании как процессе «отражения» внешнего мира объектов, теперь принимает, не моргнув глазом, гегелевскую критику Канта, несмотря на ее объективно-идеалистические коннотации.

Еще интереснее, что Ильенков здесь следует ленинскому «антикантианству», несмотря на то, что оно чревато угрозой ухода от материализма в теории познания. Представив приведенные выше цитаты из Ленина и Гегеля, он продолжает: «Разница между формулировками Гегеля и Ленина принципиальна. Ибо ни о каком “развитии природных вещей” у Гегеля речи нет и даже быть не может»¹². Иными словами, единственная «принципиальная» разница между Гегелем и Лениным в этом самом ключевом вопросе диалектической логики заключается в том, что Гегель не признает развития в природе, а марксисты признают.

Диалектика Канта и Маркса: некоторые афоризмы

Как я уже отметил выше, многие марксистские философы, утомленные Гегелем, попытались возродить материалистический проект возвратом к Спинозе. Я же полагаю, что возврат к Канту — конечно, я не имею в виду «возврат» в том смысле, который подразумевается лозунгом неокантианского движения «Zurück zu Kant!», — дал бы столь же плодотворные импульсы. Но если мы, как я предлагаю, отнесемся к Канту серьезнее, чем отнеслись Ильенков и Ленин (и, в целом, марксизм Третьего Интернационала), то какие выводы отсюда последуют? В этой статье я хотел бы ограничиться парой пояснений, хорошо сознавая, что в подобной афористической форме они могут показаться немного загадочными.

Первое, я бы подчеркнул, что первоисток диалектики Гегеля — ее, так сказать, колыбель — следует искать в критике им Канта. Диалек-

¹² Ильенков Э. В. Диалектическая логика. С. 201.

тическая система Гегеля есть попытка преодолеть и снять дуализм Канта и, отчасти, реставрировать метафизику, чьи притязания Кант столь безжалостно уничтожил. В этом отношении «стадиальная теория» Кронера и прочих имеет-таки свое рациональное зерно, хотя в то же время стоит спросить, насколько Гегель преуспел в своих попытках «снятия» (*Aufhebung*) Канта. Триадная структура гегелевской диалектики заимствована у Канта, в том плане, что если объект есть тезис, то субъект, как чистая идеальность, есть отрицание бытия и поэтому антитезис; синтез же — Гегель позаимствовал у Канта даже сам этот термин! — есть, далее, объект, постигаемый субъектом. В постижении объекта субъект снимает свое иное и, таким образом, отрицает отрицание. Стало быть, можно сказать, что кантовское понятие трансцендентального синтеза образует исток гегелевской идеи отрицания отрицания.

Подводя итог, я выражу сомнение в том, что понимание диалектики Гегеля возможно без знания философии Канта. Тут можно перефразировать знаменитый ленинский афоризм (из Философских тетрадей) — что ни один марксист за 50 лет не понял Маркса, поскольку пренебрег Гегелем, — на новый лад: ни один марксист за 100 лет не понял Гегеля, поскольку пренебрег Кантом...¹³

Далее, есть еще один пункт, который я хотел бы подчеркнуть. Как, на мой взгляд, убедительно показал Зелены, одна из главных точек соприкосновения Маркса и Канта сегодня — то, что оба они принимают конечность Человека и пределы человеческого, субъективного разума. Как раз по этой причине — с тем чтобы показать пределы разума — Кант именовал свою диалектику «трансцендентальной». Ибо трансцендентальная философия нацелена на выявление и показ пределов возможного знания и возможного опыта.

Вот и Маркс открыто говорил о «пределах диалектики» и, притом, в самой гегельянской из его политэкономических работ зрелого периода, а именно, в двух местах *Grundrisse*. Первое и более явное повествует об исторических предпосылках капиталистического производства, с которых теоретическое исследование должно начинать как с некой данности. Маркс прибавляет комментарий: «В этом пункте ясно видно, как диалектическая форма изложения верна, лишь если она сознает свои пределы»¹⁴. Другое место — в начале *Grundrisse*, в хорошо известной главе о методе. Здесь Маркс упоминает «диалектику понятий производительных сил... и производственных отношений», добавляя, что

¹³ То же пренебрежение к Канту характерно для неокантианцев, чье избирательное прочтение Канта, как я уже говорил, превратило его почти в субъективного идеалиста.

¹⁴ *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*. Berlin: Dietz, 1974. S. 945: «Es zeigt sich an diesem Punkt bestimmt, wie die dialektische Form der Darstellung nur richtig ist, wenn sie ihre Grenzen kennt». (Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, 50 т. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 46. Ч. II. С. 491.)

это «диалектика, пределы которой подлежат определению и которая не снимает реального различия»¹⁵.

Эти отрывки подсказывают нам, что одно из главных различий между понятиями диалектики у Маркса и Гегеля заключается в том, что Маркс отрицает всеохватность диалектического метода: напротив, диалектика (по крайней мере как «форма изложения») имеет свои границы, которые должно уважать. В этом — в увязывании диалектики с идеей пределов знания — Маркс, несомненно, скорее кантианец, нежели гегельянец. Однако его понятие пределов диалектики не может быть, конечно же, истолковано в «трансцендентальном» смысле, то есть как некие абсолютные и раз навсегда заданные пределы.

В марксистской литературе, как советской, так и западной, я обнаружил поразительно мало комментариев по проблематике пределов диалектической формы изложения. Пионером и тут, видимо, опять был Индржих Зелены, еще в своей книге 1962-го года обсуждавший предпосылки диалектики в «Капитале» Маркса и сделавший вывод, что «применяя материалистическую и диалектическую дедукцию, теоретическая демонстрация развивающихся тотальностей с необходимостью должна брать за исходный пункт фактическую историческую реальность в качестве неизменных *предпосылок*, которые не могут быть выведены диалектически и с которых *начинается* материалистическая и диалектическая дедукция»¹⁶.

Каждый исследователь Маркса легко поймет, что Зелены затрагивает тут также вопрос исторического и логического. Это была и одна из главных тем ранней книги Ильенкова 1960-го года. Но для Ильенкова метод восхождения от абстрактного к конкретному, устанавливающий отношение между историческими, «данными» фактами и диалектической формой изложения иногда получает несколько сомнительную «онтологическую» окраску. Он пишет, в очевидном согласии с той идеей, что диалектика имеет свои пределы: «Чтобы понять эту диалектику, необходимо принять во внимание прежде всего следующий факт. Любой реальный процесс конкретного развития (в природе ли, в обществе или в сознании) всегда начинается не на пустом месте, не в эфире чистого разума, а на основе предпосылок и условий, созданных не им, а какими-то другими процессами»¹⁷. Эта формулировка совершенного того же плана, что и комментарий Зелены относительно требуемого исходного пункта диалектического изложения. Но дальше Ильенков пишет вот что: «Мысль Маркса движет вперед не только и не столько

¹⁵ Ibid. S. 29: «Dialektik der Begriffe Produktivkraft... und Produktionsverhältnis, eine Dialektik, deren Grenzen zu bestimmen und die realen Unterschied nicht aufhebt». (Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 50 т. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 46. Ч. I. С. 46.)

¹⁶ Zeleny J. Op. cit. S. 93.

¹⁷ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М: РОССПЭН, 1997. С. 285–286.

противоречие между “неполнотой абстракции” и “полнотой чувственно данного образа вещи”... Мысль Маркса сознательно движется иным принципом: объективное противоречие отражается в виде противоречия субъективного — теоретического, логического противоречия, — и в таком виде ставит перед мышлением теоретическую проблему, логическую задачу, которая может быть решена только путем дальнейшего исследования эмпирических фактов»¹⁸.

Но на самом деле изложение Марксом противоречий капиталистического производства сложнее схемы Ильенкова. Маркс не довольствуется стремлением субъективно отражать объективные противоречия: он также показывает, как противоречия на «поверхности», в сфере обращения, разрешаются на более глубоком уровне производства и тем самым оказываются некой видимостью. Мало того, Маркс раскрывает также иллюзии буржуазной (и классической, и вульгарной) политэкономии. Эта наука не в состоянии осознать источники собственных теоретических противоречий именно вследствие того, что она принимала всерьез поверхностную «кажимость» капитализма. В этом смысле раскрытие Марксом иллюзий классической политэкономии может быть понято вполне аналогично тому, как Кант обнаружил «диалектические иллюзии» старой метафизики. И здесь, можно сказать, понимание Марксом роли диалектики явно ближе к Канту, чем к Гегелю: диалектика у Маркса имеет дело с «кажимостью», тогда как для Гегеля она прежде всего объективный, всеобъемлющий принцип.

В связи с этим, мне думается, Ильенков, хотя он и прекрасный знаток Маркса, все же исполняет нечто вроде онтологического обета: диалектика не просто инструмент исследователя — в нашем случае Маркса, — но нечто «объективное», существующее вне нас, в самой объективной реальности, которую требуется лишь «отразить» субъективно. Ильенков явно осознавал банальность, да и нежизнеспособность советского «диамата», а его собственную «программу» можно охарактеризовать как попытку реставрации действительной философской культуры в СССР через возвращение к гегелевской традиции. Это — оригинальная и достойная внимания позиция, и то, что она не увенчалась успехом в тогдашних обстоятельствах, никак нельзя поставить Ильенкову в вину. Но все же советская интеллектуальная традиция наложила свой отпечаток на рассуждения даже столь чуждого догматизму ученого, как Ильенков. В первую очередь об этом свидетельствует «онтологизм», составлявший, начиная с трудов А. М. Деборина, типическую черту диаматовского философствования. Онтологизм этот заключается в утверждении, что действительность *как таковая* диалектична.

Пример того, как советско-диаматовский онтологизм влиял на аргументацию Ильенкова, можно найти в способе критики им старого неприятеля — Игора Нарского (которого Ильенков обозвал однажды, за

¹⁸ Там же. С. 358.

писательскую плодовитость, «пишущей машинкой»). В 1969 году Нарский выпустил почти одновременно две книги о проблеме противоречия в диалектической логике, в которых он отстаивал мысль, что противоречия относятся не к существу дела, а только к форме постановки проблем. То есть всякий раз, как в теоретическом изложении возникает логическое противоречие, его можно обойти, сформулировав проблему иначе. В пример Нарский приводил известную формулировку Маркса из первого тома «Капитала»: «Капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹⁹. Нарский комментирует: «Маркс видел в выражении “возникает и не возникает” не совокупность одновременно истинных утверждения и его отрицания, но *проблему*».

А Ильенков, в свою очередь, комментирует Нарского, язвительно обвиняя его за то, что Марксова формулировка противоречия возникновения капитала для него, Нарского, есть «чисто риторический прием»²⁰, при котором «проблема-то с самого начала и формулировалась не как проблема отражения объективных противоречий в развивающемся научном мышлении», а исключительно как форма «вербальной экспликации»²¹. После чего выносит Нарскому свой приговор: «Диалектическая логика, т.е. диалектика как логика и теория познания современного материализма, под “логическими формами” понимает совсем иное, нежели автор разбираемой нами концепции... А именно — отраженные в общественном сознании людей всеобщие формы развития “бытия”, то бишь естественно-природной и общественно-исторической действительности... Это — всеобщие формы развития и природы, и общества, и самого мышления, а не только “мышления”, как полагал Гегель и как думают вслед за ним многие, например Ж.-П. Сартр, толкующий “противоречие” как специфическую монополию человеческого интеллекта»²².

Упоминание и отвержение Ильенковым позиции Сартра здесь весьма симптоматично, ведь Сартр — один из главных представителей «западного» взгляда на философию марксизма²³, отличающегося от диамата именно неприятием «диалектики природы» и, следовательно, отрицающего объективность диалектических противоречий. Таким образом, оказывается, что в решающий момент дискуссии о сущности марксистской диалектики Ильенков принимает сторону старого диамата, при-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 176. Ср.: Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 314.

²⁰ Там же. С. 314.

²¹ Там же. С. 317.

²² Там же. С. 318.

²³ Формулирую намеренно так, ибо Сартр сам не марксист в строгом смысле слова; для него марксизм — теория, хотя и верная, но все-таки позволяющая интегрировать ее в более широкий контекст экзистенциализма.

знаявая онтологический статус диалектических противоречий. Конечно, Ильенков не диаматчик и, говоря о диалектике как теории познания «современного материализма», как в приведенной выше цитате, он пытается вложить в это выражение иной, чем у диамата, смысл. Но тенденцию к «онтологизации» диалектики он с диаматом все же разделяет.

Ильенков прав в том, что, когда Маркс формулирует противоречия в своем изложении, речь идет не только о чисто «риторических фигурах», как это трактует Нарский, — во всяком случае не о таких фигурах, которые можно произвольно поменять на другие. Как я уже заметил выше, Маркс хотел, формулируя противоречие возникновения капитала, показать, что буржуазная политэкономия, которая ищет объяснение сущностных черт капитализма непосредственно на «поверхности» капиталистических общественных отношений, в сфере обращения, неизбежно впадает в антиномии. Эти антиномии «объективны» в том же смысле, что и антиномии чистого разума для Канта, видевшего в них неотъемлемое свойство самого разума. Только при переходе «вглубь» капитализма, в составляющий его ядро и сущность процесс производства, обнаруживается, что реальное условие возникновения и приращения капитала — создание прибавочной стоимости. Если же оставаться лишь на поверхностном уровне товарно-денежного обращения, тогда указанное Марксом «противоречие капитала» упорно навязывается исследователю, подобно оптической иллюзии, всегда возникающей при известных обстоятельствах.

В действительности, весь вопрос «объективности» противоречий встанет совершенно иным образом, если взглянуть на него сквозь призму «кантовской установки». Поскольку мы не знаем, на что похожи вещи сами по себе, постольку бесполезно утверждать, что они следуют «законам диалектики» (т.е. что их противоречия объективны), равно как и то, что их противоречия объективными не являются. Следует помнить, что разговор о «вещах самих по себе» не подразумевает никакого агностицизма, но лишь указывает на тот очевидный факт, что объект нельзя познать вне познавательного отношения к субъекту.

Более того, мы можем — в противоположность тому, как, видимо, считал сам Ленин, — прекрасно примирить этот кантовский подход с ленинской идеей постепенного прогресса в истории познания: очень может статься, что диалектическое объяснение природных процессов или явлений «глубже», то есть лучше схватывает сущность рассматриваемого факта, нежели, скажем, механическое объяснение, — отсюда, однако, не следует, что реальность «в себе» диалектична, ибо следующие поколения могут найти теоретические объяснения, которые еще более адекватны объекту, чем диалектика.

Prôton pseudos²⁴ советского диамата заключается именно в заявлении, что найден окончательный ответ на вопрос о том, что есть реаль-

²⁴ Основная, первичная ошибка (греч., у Платона).

ность «в себе», оставляя на долю субъекта познания всего-навсего «отражение» этой объективной реальности. «Антикантовская» установка диамата в значительной мере игнорирует достигнутые в этой традиции результаты критического анализа человеческого познания и, таким образом, ведет к своеобразной реставрации докантовской метафизики и даже к онтологическим идеям, напоминающим одного из рационалистов-предшественников Канта — Христиана Вольфа. И, я полагаю, более внимательное прочтение текстов Ильенкова (в основном часто весьма захватывающих) обнаруживает в данном плане подобную же «антикантовскую» установку. В итоге можно сказать, что Ильенков постоянно на грани соскальзывания в «диалектическую иллюзию» (в кантовском смысле) — использовать диалектику как «*органон* для создания объективных утверждений»²⁵, а не как *канон*.

²⁵ Кант И. Критика чистого разума / Сочинения, 6 т. М.: Мысль, 1964. С. 161.